

Ю. В. ИВАНОВА

КРАСНОРЕЧИЕ МАКРОКОСМА И ГРАММАТИКА ВЕНЕРЫ¹

Рец. на кн.: Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Изд. подг. О.С. Воскобойников, пер. и комм.: О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмараков, П.В. Соколов, Отв. ред. М.Ю. Реутин. М.: Наука, 2018.

Ключевые слова: *Шартрская школа, христианская натурфилософия, платонизм, Шестоднев, библейская экзегеза*

Антология текстов Шартрской школы, плод многолетних трудов нескольких переводчиков, вводит отечественного читателя в весьма экзотическую область средневековой культуры. Читатель, даже самый взыскательный, не будет разочарован: преисполненные учености шартрские прозиметры, способные отпугнуть и бывалого латиниста, теперь доступны ему в прекрасных поэтических переводах Р.Л. Шмаракова и О.С. Воскобойникова, а сокрытая в этих текстах бездна схоластической премудрости представлена упорядоченной и благоустроенной в солидных комментариях. Явление целой плеяды блистательных поэтов и интеллектуалов, группировавшихся вокруг Шартрской соборной школы, принадлежит к числу наиболее примечательных эпизодов т.н. «Возрождения XII века». Слава Шартрской школы среди западных медиевистов начала складываться еще в XIX в., и вскоре триада ее канцлеров, прославленная еще Иоанном Солсберийским²: Бернард Шартрский, Гильберт Порретанский, Теодорих Шартрский – усилиями Бартеlemi Орео³ вошла в пантеон средневековых вольнодумцев на равных правах с незадолго до того переоткрытыми Э. Ренаном «латинскими аверроистами». Как и в случае с «аверроизмом», увлечение Шартром родилось на перекресте двух антагонистических импульсов в интеллектуальной истории Европы второй половины XIX в.: интереса к Средним векам со стороны секулярных романтиков, таких как Ренан, и католических интеллектуалов, таких как А. Клерваль, первооткрыватель «Школы». Неудивитель-

---

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов РФ "5-100".

² Giraud, Mews 2014. P. 39.

³ Hauréau 1872. P. 390-478.

но поэтому, что наследники упомянутых течений в XX в., неомист Этьен Жильсон и «критический интеллеktуал» Жак Ле Гофф, будут в равной мере проявлять интерес к исследованию «шартрского духа»⁴. Впрочем, в самом скором времени имена шартрских магистров можно будет встретить и в совсем неожиданных контекстах: к примеру, на Алана Лилльского и Бернарда Сильвестра ссылается как на своих предшественников, великих посвященных из числа средневековых мыслителей наряду с Иоахимом Флорским, Рудольф Штайнер⁵.

В рецензируемой книге полемически заострено уже само ее заглавие: наряду с «Ренессансом XII века» «Шартрская школа» принадлежит к числу явлений, которые еще с 1970-х немало скептически настроенных медиевистов склонны были считать «романтическими недоразумениями» – историографическими химерами, возникшими вследствие гипостазирования исследователями собственных метафор. Некоторые из них полусерьезно задавались даже вопросом, не был ли миф о Шартрской школе своего рода «побочным продуктом» мировой известности Шартрского собора, воплощением знаменитого тезиса Э. Панофского о родстве схоластики и готики⁶. Неслучайно ведь канцлерство Теодориха Шартрского совпало с возведением знаменитого «королевского портала» (*portail royal*) собора. Поиски исторического воплощения Шартрской школы порой приводили к парадоксам. Так, если даже последователи великого скептика Р. Сазерна соглашались считать единственным настоящим представителем Шартрской школы Бернарда Сильвестра, то в наше время М. Каунце стал говорить об особой «Турской школе», к которой Бернарда «на самом деле» следовало бы отнести: не зря ведь поэт Матвей Вандомский назвал его «славой и украшением» именно Тура, а не Шартра⁷. Существует немало препятствий тому, чтобы говорить применительно к Шартру XII в. об особой «школе». Как отмечал тот же Саузерн, для интеллектуалов XI – начала XII в. была больше характерна самоидентификация с авторитетным магистром (разнообразные *Albericani, Meludinenses, Montani, Porretani, Heliste, Parvipontani*⁸) или направлением (номиналисты), а не с географически определенной школой, например, Парижем или Шартром. Если какие-то города и становились известны в качестве центров притяжения взыскующих знания студентов и даже обретали соответствующую специализацию (Лан – как центр библейской экзегезы, Париж – логики и теологии, Орлеан – классических штудий, Шартр – натурфилософии), то этот процесс был свя-

⁴ Жильсон 2010. С. 196–210; Ле Гофф 2003. С. 44 – 47.

⁵ Steiner. 2001. P. 9.

⁶ См, например, характерное заглавие недавней книги: Ball 2009.

⁷ Kauntze 2014. P. 15–16.

⁸ Southern 1991. P. 114.

зан с присутствием в них авторитетных учителей (Ансельма – в Лане, Гильома из Сен-Шампо и потом Абельяра – в Париже и т.д.). О «школьном», дидактическом аспекте истории Шартра мы знаем немного: сохранилось лишь любопытное послание Фульберта Шартрского Хильдегару, его представителю в Пуатье и эконому церкви св. Илария, в котором епископ предостерегает коллегу от попыток развлекать аудиторию при помощи шуток (но при этом просит как следует позаботиться о бытовых условиях жизни школяров)⁹. Принимая во внимание все эти обстоятельства, уже в аннотации к книге авторы, избегая анахронизма, очень удачно вслед за Б. Стоком именуют Шартрскую школу «textual community»: термин, который можно примерно перевести как «сообщество, объединенное общим кругом текстов и способом их чтения».

В отечественном контексте Шартрская школа оказалась в «серой зоне» между вершинными событиями и фигурами интеллектуальной истории Европы Средних веков. В самом деле: шартрцы не были в достаточной мере радикальны, чтобы им достались лавры «средневековых вольнодумцев» (в отличие от их современника Петра Абельяра). Они не были в достаточной мере философски оригинальны, чтобы создать нечто подобное «единственному аргументу» Ансельма и так обрести права гражданства в истории философии. Хотя дух синтеза им вовсе не был чужд, никто из них не мог бы возвести свой «христианский платонизм» в ранг *philosophia perennis*, как это случилось впоследствии с «христианским аристотелизмом» св. Фомы. Не слишком интересны они и с точки зрения «истории влияний»: как отмечал С.С. Аверинцев в одной из своих лекций, «шартрская школа не имела конфликтов и не имела наследников»¹⁰. Для историков литературы «сатуры» шартрцев хотя и заняты, но вторичны. Скупого внимания «школа» удостоивается обычно лишь в связи с дебатами вокруг пресловутого «Возрождения XII века» и нередко, подобно флорентийской «Платоновской академии», обнаруживает тенденцию к анахронистической «институционализации» (в этом повинно, конечно, несколько двусмысленное слово «школа»).

Задача отбора наиболее репрезентативных для «Шартрской школы» памятников представляется весьма непростой. Выбор текстов для перевода, как признает составитель книги, может показаться несколько прихотливым, но в нем прослеживается достаточно четкая логика: были отобраны тексты, располагающиеся в промежуточной зоне между философией, экзегезой и изящной литературой. Такая подборка позволяет читателю насладиться всеми изысками шартрского «плетения словес»: пространный экфрасис из поэмы Алана, в мельчайших деталях пред-

⁹ Jauneau 2009.

¹⁰ Аверинцев 1987. Относительно конфликтов Аверинцев, впрочем, был неправ, как показывает перевод письма Гильома из Сен-Тьерри к Бернарду Клервосскому.

ставляющий читательскому взору ризы Природы, будто бы воплощает в слове бестиарии готических соборов, а Алан с риторическим кокетством сравнивает место нетопыря («птицы-гермафродита») в музыкальной гармонии голосов птиц, запечатленных на одеянии девы-Природы, со ставшим известным как раз через посредство шартрцев математическим нулем¹¹. Это как раз та область, в которой вклад Шартрской школы не только в историю литературы, но и в историю философии может претендовать на оригинальность: так, весьма убедительно ряд исследователей находят в аллегорезе Алана Лилльского влияние стоической логики и теории языка¹². В этой связи характерно, к примеру, отсутствие среди переведенных авторов Гильберта Порретанского, автора известных комментариев к Бозцию Кларембальда Аррасского или Иоанна Солсберийского (он некоторое время занимал позицию Шартрского канцлера). Исключены оказались, таким образом, «чисто» философские и популярно-богословские труды шартрцев, такие, например, как «Об искусстве проповеди» или «Summa Quot modis» Алана Лилльского.

Еще в середине XX в. Э. Жильсон свел мировоззрение шартрцев к нескольким характерным чертам («Шартрский комплекс»): сильное влияние Бозция, опора на «натурфилософский» платонизм Халкидия, реалистическая позиция в споре об универсалиях и хорошее знакомство с классической культурой¹³. Ле Гофф (он специально Шартрской школой не занимался, но искусством емких и запоминающихся определений владел в совершенстве) в свойственной ему плакатной манере представил «шартрский дух» как сопряжение «натурализма» и «гуманизма»: первый стал одним из важнейших шагов на пути к необходимой для грядущей научной картины мира «десакрализации природы», второй – краеугольным камнем предвосхищающего Ренессанс антропоцентризма. В целом нехарактерная для аристотелецентричного зрелого и позднего Средневековья приверженность Платону – пусть и в очень усеченном виде – позволяет вписать шартрских магистров в «большой нарратив» платонической традиции¹⁴, но самой любопытной чертой «школы», роднящей ее скорее с каролингскими интеллектуалами, чем с философскими трудами зрелого Средневековья, представляется нам синтез натурфилософии, богословия, грамматики и куртуазной поэзии, достигающий апогея в монументальном «Плаче Природы» Алана Лилльского. Шартрские тексты сами подобны персонажам Алана – неукротимой пероматерии Сильве, которую обращает к порядку, принося в нее

¹¹ «Там нетопырь, птица-гермафродит, среди малых птиц занимала место нуля. Эти животные, хотя существовали там как бы аллегорически, казались, однако, существующими буквально» (Шартрская школа 2018. С. 237).

¹² Bardzell 2009.

¹³ Жильсон 2010. С. 198.

¹⁴ См. книгу с характерным заглавием: From Athens to Chartres 1992.

свои пропорции, Эндилихия: повествование о движении планет и климатических поясах Земли чередуется в сочинениях шартрцев с рассказом о снотворных действиях ромашки и гастрономических достоинствах хариуса, а категории Аристотеля используются для изготовления лекарственных снадобий; технические понятия астрономии обретают плоть и кровь, а сексуальные перверсии описываются в терминах, уподобляющих их нарушениям норм грамматики.

Можно встретить в этих текстах и утверждения, граничащие с геродоксией: так, мы узнаем, что Космос стяжал бытие от Бога и первопричины – «одинаково вечных». Идея «вечности мира», обретшая скандальную известность в связи с «аверроистским кризисом» 1270-х гг., в текстах шартрцев «проскальзывает» неоднократно, хотя нигде не обсуждается *in extenso*. «Там, где времена кончаются, они вновь обретают рождение», – в этих словах Алана мы легко узнаем «учение о великом годе», век спустя осужденное Этьеном Тампье в его «Силлабусе»¹⁵. Можно обнаружить в них и элементы «мениппеи»: например, в порицаниях, с которыми обрушивается на Разум Природа. Крохи греческой учености, извлекаемые из грамматик Присциана, соседствуют с заимствованиями из новомодных арабских авторов, таких как Али ибн аль-Аббас аль-Маджуси (через посредство *Liber pantegni* Константина Африканского) или Абу-Машар. Если участники кружка интеллектуалов при дворе Карла Великого, его придворной «академии», жили еще исключительно остатками античной культуры, то шартрцы были одними из первых «импортеров» арабской премудрости на латинском Западе. Приметы знакомства с ней видны в шартрских текстах: например, Бернард Сильвестр ссылается на новые, арабские, названия созвездий.

Очень удачным представляется решение поместить в книге исполненный гнева и презрения памфлет Гильома из Сен-Тьерри, направленный против и в самом деле не слишком удачного эскиза тринитарной теологии Гильома Коншского. Этот текст словно бы нарушает идиллию «Шартрского Возрождения», позволяя взглянуть на «шестующие легкой стопой» сочинения шартрцев глазами профессионального цистерцианского теолога, превзошедшего в своей критике «горе-философов», *philosophantes*, самого Бернарда Клервосского. Несмотря на частые апелляции к превосходящей разумение «великой тайне» и знаменитую цитату из бл. Августина, повелевающего верить и запрещающего рассуждать, Гильом из Сен-Тьерри выступает против автора «Философии» во всеоружии вполне рациональных аргументов; он видит в своем «вольнодумном» тезке другого Абеяра – это, несомненно, понравилось

---

¹⁵ Речь идет о 219 философских и богословских тезисах, осужденных епископом Парижским Этьеном (Стефаном) Тампье 7 марта 1277 г. Учение о «великом годе» можно найти среди первых положений «Силлабуса» (*La condamnation parisienne*. P. 80).

бы любителям шартрцев из числа «критических интеллектуалов», но в случае полемики двух Гильомов речь идет не о конфликте мировоззрений, а о новой итерации восходящего к святоотеческой эпохе спора о различении в Боге ипостасных и субстанциальных свойств. Злоупотребляя одной из популярных антропоморфных метафор, служивших для иллюстрации различия Лиц Троицы – Отец как сила, Сын как Премудрость, и Дух Святой как воля, – один из патриархов Шартрской школы оказался на грани ереси модализма, смешав между собой свойства божественной сущности и те, которые в позднейшей истории латинского богословия станут называть *ноциональными*. Более того: Гильом пытается представить наименования Лиц Троицы как метафорические термины, указывающие на более глубокие отношения: Отец есть указание на силу, «поскольку она все творит и с отцовской любовью утверждает», Премудрость обозначена именем Сына, ибо «как сын во времени исходит от отца, так и премудрость совечно и единосушно от силы»¹⁶.

В экзегетической части желчной эпистолы Гильома, завершающейся прямым призывом отлучить оппонента от Святых Таин, мы видим характерную коллизию герменевтических принципов: августиново типологическое истолкование истории сотворения Адама и Евы противопоставляется принципу «согласно физике и буквально», который мы находим у магистра из Конша и в «Шестодневе» Теодориха Шартрского (как, впрочем, и у Абеляра в его «Толковании на Шестоднев»). В этом эпизоде мы видим новое издание векового спора о буквальном смысле библейского текста – категории, активный интерес к которой и служит симптомом революционных сдвигов в искусстве толкования, от Мартина Лютера до герменевтической концепции В. Дильтея. Экзегетический «буквализм» шартрцев, предпочтение ими *ratio litteralis* в противовес *ratio mystica* позволяет увидеть в их комментариях важную веху того процесса, который Берил Смолли обозначила как «упадок духовного толкования»¹⁷. Изучение шартрской экзегезы обогащает наше понимание предыстории этого процесса, инициатором которого Смолли считала св. Фому, видя в нем «своего рода Мельхиседека в области богословия»¹⁸, подготовившего путь для таких апологетов *sensus literalis*, как Николай Лирский или Уильям Ноттингемский. В этом отношении особенно интересно понимание шартрцами буквального смысла как именно смысла *физического*¹⁹, ведь классики истории латинской экзегезы обыкновенно связывали «поворот к буквальному смыслу» с рецепцией Мои-

¹⁶ Шартрская школа 2018. С. 298.

¹⁷ Smalley 1983. P. 281–355.

¹⁸ Dubois 1988. P. 42–43.

¹⁹ О проблематичности этого понятия у Теодориха, связи его с механическими искусствами и Иоанном Скотом Эриугеной и различии между *secundum physicam* и *secundum rationem physicorum* см.: Lejbowicz 1999. P. 39–82.

сея Маймонида у таких авторов, как Гильом Овернский или тот же Фома Аквинский, и переосмыслением категории «*hebraica veritas*»²⁰. Под этой последней категорией средневековые комментаторы разумели толкование Священного Писания посредством анализа еврейского текста и консультаций у ученых евреев-носителей устной традиции. Таким образом, мы можем проследить путь от физического *ratio literalis* Шартра к «священной физике», *physica sacra* ренессансных и барочных экзегетов – идея о том, что буквальный смысл первых глав Книги Бытия можно открыть, прочитав «Шестоднев» на фоне платоновского «Тимея», будет в XVII в. столь же популярна, как и в веке XII²¹.

История Шартрской школы начинается с протеста против школьного педантизма – Фульберт Шартрский высмеивает усердных читателей Цицерона и Аристотеля, а неприязнь к демонстрации собственной эрудиции побуждает его опускать ссылки даже на те тексты, которые он почти наверняка читал (Марциана Капеллу, Макробия, Боэция). В этой интеллектуальной свободе, нашедшей отражение в знаменитом шартрском *mot* о восковом носе авторитета, их заметное отличие от позднейшей схоластики. Теодорих Шартрский в своем «Седмикнижии» (*Septateuchon*) интерпретировал брак Филологии и Меркурия из Марциана Капеллы как союз *разума* (*intellectus*) и *толкования* (*interpretatio*)²². Мы не погрешим против истины, если скажем, что плоды этого союза – эlegantность слога, основательность доводов и мастерство композиции – благодарный читатель рецензируемой книги в изобилии сможет пожать.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Лекция «Средневековье» (16.04.1987) [Averincev S.S. Lekcija «Srednevekovje» (16.04.1987). URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/A/averincev-sergej-sergeevich/lekcija-srednevekovje-16-aprelya-1987/2>]
- Жильсон Э. Философия в Средние века: От истоков патристики до конца XIV века. М.: Культурная революция, 2010 [Gilson E. *Filosofija v Srednie veka: Ot istokov patristiki do konca XIV veka*. M.: Kul'turnaja revoljucija, 2010].
- Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в Средние века. СПб.: Изд. Санкт-Петербургского ун-та, 2003 [Le Goff J. *Intellektualy v Srednie veka*. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, 2003].
- Шартрская школа. Гильом Коншский. Философия. Теодорих Шартрский. Трактат о шести днях творения. Бернард Сильвестр. Космография. Астролог. Комментарий на первые шесть книг «Энеиды». Алан Лилльский. Плач Природы / Изд. подг. О.С. Воскобойников, пер. и комм.: О.С. Воскобойников, Р.Л. Шмарakov, П.В. Соколов, Отв. ред. М.Ю. Реутин. М.: Наука, 2018 [Shartorskaja shkola. Gil'om Konshskij. *Filosofija. Teodorih Shartorskij. Traktat o shesti dnjah tvoreniya. Bernard Sil'vestr. Kosmografija. Astrolog. Kommentarij na pervye shest' knig «Jeneidy»*. Alan Lill'skij. *Plach Prirody* / Izd. podg. O.S. Voskobojnikov, per. i komm.: O.S. Voskobojnikov, R.L. Shmarakov, P.V. Sokolov, Otv. red. M.Ju. Reutin. M.: Nauka, 2018]

²⁰ Smalley 1974. P. 11–72.

²¹ См. недавнюю книгу о «натуралистических» толкованиях Книги Бытия в Средние века и раннее Новое время: Roling 2013.

²² Dronke 1988. P. 360.

- Ball Ph. *Universe of Stone: Chartres Cathedral and the Triumph of the Medieval Mind*. L.: Vintage, 2009.
- Dronke P. *Thierry of Chartres // A History of Twelfth-Century Western Philosophy* / P. Dronke (ed.). Cambridge: Cambridge UP, 1988. P. 358–385.
- Dubois M. *Mystical and Realistic Elements in the Exegesis and Hermeneutics of Thomas Aquinas // Creative Biblical Exegesis. Christian and Jewish Hermeneutics through the Centuries* / B. Uffenheimer and H.G. Reventlow (eds.). Sheffield: Sheffield Acad. Press, 1988. P. 39–54.
- From Athens to Chartres: Neoplatonism and Medieval Thought. *Studies in Honour of Edouard Jauneau* / H.J. Westra (ed.). Leiden: Brill, 1992.
- Giraud C., Mews C. *John of Salisbury and the Schools of the 12th Century // A Companion to John of Salisbury* / Ch. Crellard, F. Lachaud. Leiden: Brill, 2014. P. 31–62.
- Jauneau E. *Rethinking the School of Chartres*. N.Y.: Toronto UP, 2009.
- Hauréau B. *Histoire de la philosophie scolastique*. P.: Durand et Pedone-Lauriel, 1872.
- Kauntze M. *Authority and Imitation. A Study of the Cosmographia of Bernard Silvestris*. Leiden; Boston: Brill, 2014.
- La condamnation parisienne de 1277 / Texte latin, traduction, introduction et commentaire par D. Piché. P.: Vrin, 1999.
- Lejbowicz M. *Cosmogenèse, traditions culturelles et innovation (sur les sections 18-21 du Tractatus de sex dierum operibus de Thierry de Chartres) // Language, sciences, philosophie* / J. Biard (éd.). P.: Vrin, 1999. P. 39–82.
- Roling B. *Physica sacra. Wunder, Naturwissenschaft und historischer Schriftsinn zwischen Mittelalter und Früher Neuzeit*. Leiden: Brill, 2013.
- Smalley B. *William of Auvergne, John of La Rochelle and St. Thomas Aquinas on the Old Law // St. Thomas Aquinas, 1274-1974: Commemorative Studies. Vol. II* / ed. A.A. Maurer et al. Toronto: Pontifical Institute of Medieval Studies, 1974. P. 11–72.
- Smalley B. *The Study of the Bible in the Middle Ages*. Oxford: Basil Blackwell, 1983.
- Southern R.W. *The School of Paris and the School of Chartres // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century* / R.L. Benson and G. Constable with C.D. Lanham. Toronto: Toronto UP, 1991. P. 113–137.
- Steiner R. *The Goddess: From Natura to the Divine Sophia*. Rudolf Steiner Press, 2001.

Иванова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Школа филологии Факультета гуманитарных наук, ведущий научный сотрудник ИГИИ им. А.В. Поletaева НИУ ВШЭ; jivanova@hse.ru

Eloquence of the Macrocosm and Venus's Grammar

This article deals with the first Russian translation of major prosimetric opera and prosaic exegetical texts originated from the so-called “school of Chartres”. A special attention is paid to the place of this edition in Russian and Western historiography of the 12th century philosophy and Medieval Latin exegesis. It has been shown that the way of selecting the texts for the translation and the method of commenting them carried out by the editors of the anthology make it possible to withdraw the Chartres school from the “no man’s land” between the history of ideas and traditional history of philosophy, restoring its appropriate status in the history of the European intellectual culture – at the intersection of theology, Platonic natural philosophy and poetry.

Keywords: School of Chartres, Christian natural philosophy, Platonism, Hexaameron, Biblical exegesis

Julia V. Ivanova, PhD (Philology), associated professor at the School of Philology Faculty of Humanities and leading research fellow at the Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities of NSU HSE; jivanova@hse.ru